

Е. А. Салиас

Петербургское действо

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. А. Салиас**
Петербургское действо: Часть 2 / Е. А. Салиас – М.: Книга по Требованию,
2020. – 333 с.

ISBN 978-5-458-52661-6

ISBN 978-5-458-52661-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Зимній дворець, въ которомъ за все свое царствованіе жила въ Петербургѣ императрица Елизавета, былъ маленькій, на половину деревянный, старый и даже ветхій. Новый великолѣпный дворець, каменный и обширный, былъ уже давно готовъ, но государыня, постоянно хворавшая въ послѣднее время, суевѣрно не рѣшалась переходить въ него. Послѣдніе мѣсяцы жизни она не находила себѣ мѣста въ старомъ деревянномъ дворцѣ, переходила спать почти каждую ночь изъ одной комнаты въ другую, какъ будто ей было тѣсно въ немъ, но о переходѣ въ новое зданіе не смѣлъ никто и заикнуться.

Одною изъ первыхъ заботъ вновь вступившаго на престолъ императора было, конечно, поскорѣе окончательно отдѣлать новое жилище и какъ можно скорѣе перейти въ него.

Наконецъ, въ половинѣ великаго поста, новый дворець былъ совершенно отдѣланъ и меблированъ, а въ старомъ деревянномъ начались сборы, переноска

и перевозка вещей. Во многихъ комнатахъ мебель была уже не на мѣстахъ, а собрана въ кучи, картины сняты со стѣнъ.

Въ тотъ самый день, когда иноземка графиня Скабронская выручила изъ бѣды братьевъ Орловыхъ, въ большой тронной залѣ дворца сидѣла на креслѣ около отворенной форточки красивая женщина вся въ черномъ и въ странномъ уборѣ на головѣ. Этотъ уборъ, черный суконный съ бѣлыми нашивками подъ крепомъ, полушляпа, получепецъ, плотно облегалъ ея голову и низко проходилъ черезъ лобъ, на половину закрывая его. Было что-то странное, строгое, даже мрачное въ этомъ уборѣ и во всей ея одеждѣ. Лицо ея было тоже сурово, печально.

Несмотря на зимній морозный день, на холодныя струи вѣтра, врывающіяся въ открытую настежь форточку, она изрѣдка поднимала голову и жадно вдыхала въ себя холодный воздухъ, какъ будто ей было душно въ этой залѣ.

Вокругъ нея по всѣмъ стѣнамъ стояли уже снятые царскіе портреты. Ближе къ ней на полу и на стульяхъ стояло болѣе десятка различныхъ портретовъ покойной императрицы. Многіе изъ нихъ были неокончены, другіе едва начаты, на нѣкоторыхъ было сдѣлано одно лицо, а остальное оставалось начерченнымъ карандашемъ и углемъ по бѣлому нетронутому полотну.

Всѣ эти портреты были сдѣланы за послѣдніе мѣсяцы жизни императрицы. Она предвидѣла будто, что дѣлается ея послѣдній портретъ, и ни однимъ не оставалась довольна. Два живописца напрасно старались удовлетворить ея прихотливымъ требованіямъ.

Женщина въ черномъ уборѣ—новая императрица,

Екатерина Алексѣевна. Она пришла теперь въ эту залу, гдѣ случалось ей часто, но уже давно, проводить веселые вечера и безопасно танцовать до полуночи. Зала эта была полна для нея самыхъ пестрыхъ воспоминаній, преимущественно свѣтлыхъ, дорогихъ. Она пришла сюда выбрать для себя лучшей портретъ покойной, которую не очень любила, но при которой положеніе ея было далеко не такъ тягостно, какъ теперь. Она хотѣла было выбрать тайкомъ одинъ изъ портретовъ и скорѣе унести его къ себѣ, но эта зала, пустая, угрюмая, полуосвѣщенная отъ спущенныхъ сторъ, которыя приготовились снимать, остановила ее. Эта зала, вдругъ, будто глянула ей въ душу, будто заговорила съ ней, будто сказала ей то слово, отъ котораго все ея прошлое возстало передъ ней живое, милое, лучезарное...

Много свѣтлыхъ образовъ, много разныхъ событій воскресло вдругъ и быстро понеслось пестрой чередой надъ ея опущенной головой въ странномъ траурномъ уборѣ. Поневолѣ и она унеслась мыслью, еще далѣе, въ свое прошлое. И вся жизнь ея съ младенчества явилась передъ ней.

Вспомнилась ей маленькая дѣвичья комнатка съ однимъ окномъ въ намѣстническомъ дворцѣ въ Штедингѣ. Внизу, среди небольшой площади неправильнаго очертанія, въ родѣ треугольника, стоитъ и вѣчно брызжетъ древній фонтанъ. Нѣсколько миеологическихъ фигуръ переплелись съ какими-то большими рыбами и хвостатыми уродами. Къ этому фонтану ежедневно въ извѣстные часы сходятся съ кувшинами городскія дѣвушки и всегда, установивъ ихъ кругомъ подъ серебрястыми струями, забываютъ объ нихъ въ бесѣдахъ, или шаловливыхъ играхъ и шуткахъ.

И эта площадь, гдѣ всюду виднѣются гранитные готическіе порталы, колонны, карнизы, гдѣ высится изящная колокольня, легкая и вся сквозная, будто изъ сѣраго кружева, и этотъ фонтанъ, тоже сѣрый, мокрый, вѣчно обрызганный водой, — все это, для нея хотя дальнее, но ясное и родное сердцу воспоминаніе.

Сколько разъ она, принцесса, запертая день и ночь въ этомъ скучномъ домѣ, именуемомъ дворцомъ, завидовала этимъ городскимъ дѣвушкамъ. Какъ сильно ей самой подчасъ тоже хотѣлось взять кувшинъ, пойти къ этому фонтану, тоже порѣзвиться, побѣгать съ дѣвушками, послушать всякіе толки и пересуды. Часто эта молодежь окружала какого нибудь знакомаго, мимо идущаго остряка, который, увидя кучку молодыхъ красавицъ, охотно завернетъ къ этому фонтану и смѣшитъ дѣвушекъ въ продолженіи цѣлаго часа разными шутками и прибаутками. Иной разъ, наоборотъ, сѣдая ворчливая старуха, злая будто вѣдьма съ клюкой, проходя мимо, тоже приблизится къ фонтану и не можетъ упустить удобнаго случая разбранить столпившійся рой молодыхъ дѣвушекъ. Ихъ веселый хохотъ, ихъ рѣчи, журнація точно такъ же, какъ и эти серебристыя струи фонтана, будто оскорбили старуху и она съ хриплымъ воплемъ идетъ на нихъ, замахиваясь клюкой, и кричить, и грозить, и проклинаеть! Но только звонкій, веселый, счастливый хохотъ звенитъ въ отвѣтъ на всѣ проклятія.

Тысячи разъ принцесса видала эти сцены изъ своего окна. Всѣ воспоминанія дѣтства сводятся къ этому фонтану и къ этой площади, и за это теперь она любить ихъ...

Она знала уже тогда, что ей не суждено прожить вѣчно въ этомъ домѣ, что въ ранней юности она будетъ отдана замужъ куда нибудь далеко, за какого нибудь германскаго принца. И невольно желала она этого, потому что жизнь здѣсь тянулась скучно, однообразно. Не было ни радостей, ни горя, ни заботъ, и будничное затишье заставляло подчасъ желать чего либо, хотя бы и печальнаго, хотя бы и грознаго, лишь бы перемѣнился этотъ унылый, душу мертвящій строй жизни. Пускай будетъ гроза! Лишь бы очистила воздухъ, позволила бы дышать свободно.

Изъ всей этой жизни въ продолженіе четырнадцати лѣтъ остались въ памяти ея лишь два или три особенныхъ случая, о которыхъ стоило вспомнить. Одинъ изъ нихъ, близко, лично касавшійся до нея, особенно остался въ памяти.

Въ домѣ отца появился однажды дряхлый старецъ, пользовавшійся извѣстностью чуть не по всей Германіи, какъ святой мужъ и праведникъ, которому народная молва приписывала пророческій даръ. Ея, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, привели въ гостиную, гдѣ сидѣлъ старецъ въ священническомъ одѣяніи. Она со страхомъ и трепетомъ подошла къ нему, подводимая матерью. Онъ глянулъ на нее своими большими строгими глазами, положилъ ей руку на голову и сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ она сразу не поняла, но которыя тѣмъ не менѣе напугали ее. Потомъ, впоследствии, ея мать часто вспоминала сказанное старикомъ, и крѣпко вѣровала въ пророчество праведника, и упорно ожидала, что оно сбудется. Старикъ въ темныхъ выраженіяхъ проговорилъ, что видитъ на дѣтской головкѣ три короны и въ томъ числѣ одну большую, цесарскую. Предсказаніе это, часто вспо-

минаемое въ домѣ, разумѣется глубоко запало въ душу умной дѣвочки; скоро она сама стала вѣрить въ него и ожидать.

И, наконецъ, однажды, когда ей было уже около пятнадцати лѣтъ, мать, ничего не объясняя, стала собираться въ далекій путь.

Скоро онѣ очутились въ Берлинѣ при дворѣ суроваго, некрасиваго короля Фридриха, а затѣмъ двинулись дальше. И умная, смѣлая, уже честолюбивая дѣвушка-ребенокъ знала, что ее везутъ въ далекую, полудикую землю, вѣчно заваленную такими снѣгами, какихъ не бываетъ на родинѣ. Въ этой далекой чужбинѣ предстоитъ ей выйти замужъ, и тамъ будетъ она современемъ императрицей громадной страны.

Дорога изъ Берлина на Кенигсбергъ, Митаву и Петербургъ продолжалась довольно долго, но послѣ уединенной и однообразной жизни въ Штетинѣ она рада была новымъ мѣстамъ, новымъ лицамъ. Вдобавокъ, здѣсь въ первый разъ, на пути въ эту невѣдомую землю, она какъ-то, незамѣтно для самой себя, вдругъ увидѣла, почувствовала, что она сдѣлалась главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Во всѣхъ городахъ, по дорогѣ, которые казались ей всетаки менѣе чуждыми, чѣмъ она ожидала, слышалась та же родная рѣчь; всюду дѣлались пышныя встрѣчи, давались празднества, гремѣла музыка и всюду нареченная невѣста наследника престола была, конечно, главнымъ лицомъ, относительно котораго проявлялось вниманіе, радушіе, заботливость и предупредительность всѣхъ.

Въ Митавѣ встрѣтилъ поѣздъ принцессы высланный впередъ русской императрицей камергеръ Нарышкинъ и его почтительное вниманіе и заботливость

въ пути до Петербурга особенно сосредоточивались на ней, а не на матери.

Въ этомъ пути прежде всего поразили юную принцессу странные экипажи, въ которыхъ весь поѣздъ двигался по необозримымъ снѣжнымъ равнинамъ. Это были длинныя и узкія сани, обитыя красныхъ суккомъ, въ которыхъ днемъ помѣщалось съ ними человекъ по восьми и десяти, а на ночь всѣ уходили въ другія сани, а имъ двумъ устраивали постели. Обѣихъ принцессъ закрывали цѣлыми кучами мѣховъ и только одни лица ихъ оставались незакрытыми. Шесть, а иногда восемь лошадей, впряженныя въ эти сани, мчали ихъ почти постоянно вскачь.

Въ февральскія, туманныя, но теплыя сумерки въѣхали онѣ, наконецъ, въ Петербургъ. Пестрая толпа придворныхъ встрѣтила ихъ въ небольшомъ итальянскомъ дворцѣ и, не смотря на усталость, тотчасъ былъ назначенъ пріемъ, было представленіе гостей, былъ длинный, скучный и чопорный обѣдъ. Но такъ какъ императрица и наслѣдникъ были въ Москвѣ, то на другой же день пришлось снова пускаться въ путь, такой же далекій и трудный, и снова скакать въ такихъ же саняхъ.

И вотъ здѣсь въ первый разъ увидала она много новаго, схожаго съ тѣмъ, что рассказывалось ей передъ отъѣздомъ. Родная рѣчь уже не слышалась кругомъ; по дорогѣ изрѣдка попадались убогія черненькія деревушки и каждая изъ нихъ казалась большимъ чернымъ пятномъ среди необозримой сахарнобѣлой равнины. И тутъ на привалахъ услышала она близко мудреную рѣчь, увидала людей въ какихъ-то заманнанныхъ шкурахъ и первыя три слова русскихъ, которыя подхватила и заучила она, были «мужикъ»,

«сарафанъ», «дуга»... И этотъ сѣрый людъ, который попался все больше на пути, не возбудилъ въ ней того чувства отвращенія, съ которымъ относилась къ нимъ ея мать, а напротивъ, чувство жалости къ нимъ проникло сразу въ ея душу и глубоко запало въ ней. Эта невѣдомая, снѣжная, унылая, будто мертвая страна, по которой безъ конца двигались онѣ въ уродливыхъ длинныхъ саняхъ, не пугала ее. Ко всему чутко прислушивалась она кругомъ, ко всему внимательно, сердцемъ приглядывалась. Этотъ сѣрый, будто не умытый людъ на всѣхъ привалахъ окружалъ со всѣхъ сторонъ сани, изъ которыхъ она выходила или въ которыя садилась при отѣздѣ, и всюду она видѣла на этихъ лицахъ, въ ихъ глазахъ—одно добродушіе и ласку. Однажды, уже подъ самой Москвой, на одной изъ станцій, въ ту минуту, когда она усаживалась въ неуклюжія сани, произошелъ простой, но памятный ей случай. Старая женщина, худая, вся обмотанная дырявою одеждой въ грязныхъ клочьяхъ, вдругъ выступила изъ окружавшей ихъ толпы, приблизилась къ ней и, бормоча нараснѣвъ, какъ-то странно замотала надъ ней рукою. Принцесса-мать перепугалась, боясь колдовства, но ей объяснили, что женщина, узнавъ, кто такая проѣзжая, и желая ей добраго пути, перекрестила ее три раза. Долго помнила дѣвушка эту старуху, ея добрые глаза, ея добрую, глѣбучую рѣчь, и долго жалѣла, что не могла понять словъ.

И, наконецъ, однажды, какъ въ одной сказкѣ, онѣ вдругъ остановились у красиваго дворца среди густаго лѣса. Здѣсь встрѣтили ее русская императрица и женихъ. И ей, ожидавшей увидѣть большой, веселый, красивый городъ, странною показалась эта встрѣча

среди лѣса, покуда не узнала она, что это Петровский дворецъ, находящійся въ окрестностяхъ древней столицы.

Въ этотъ же день, послѣ безконечныхъ бесѣдъ, среди шумной, пестрой, многочисленной толпы придворныхъ, поздно вечеромъ, засыпая и едва чувствуя себя отъ усталости, она невольно повторяла мысленно то, что вынесла изъ этой встрѣчи:

— Какая она добрая! Какъ онъ дурень!

И ночью, проснувшись отъ какого-то шума въ соседней комнатѣ, придя въ себя, она вдругъ вспомнила, что очутилась далеко отъ своей родины, далеко отъ милой площади съ брызжущимъ вѣчно фонтаномъ. Снова вспомнивъ о двухъ лицахъ, которыя встрѣтила она наканунѣ и съ которыми придется теперь вѣкъ свѣковать, она снова шепнула то же самое:

— Да, она добрая!.. Но какъ онъ дурень!!..

II.

Софія-Августа-Фредерика-Ангальтъ-Цербстъ съ матерью своей; принцессой Гоанной-Елизаветой, вѣхала въ Россію въ февралѣ 1774 г.

Первое время пребыванія въ чужой странѣ, среди чужой обстановки и рѣчей на неизвѣстномъ языкѣ, было трудное и грустное для пятнадцатилѣтней дѣвочки. Тѣмъ болѣе было мудрено ей, что мать родная была ей не въ помощь; напротивъ, дочь должна была постоянно выпутывать ее изъ всякаго рода затрудненій и неосторожныхъ поступковъ.

Елизавета Цербстъ всегда была упрямой, мелочной и совершенно безтактной женщиной. Вдобавокъ, она

была настолько же ограниченная женщина, насколько самоуверенная и упрямая. По приезде в Москву, благодаря ласковому обращению с ней императрицы и почтительному отношению к ней всего двора, у принцессы Елизаветы немного закружилась голова. Она вообразила себя, что, будучи матерью невѣсты наследника престола, она призвана теперь играть влиятельную роль в России. На весь двор и все общество Елизавета стала смотреть свысока, считая себя нравственно и умственно выше всех этих «варваров». Вместо с тем, она стала обращаться особенно любезно со всеми представителями иностранных держав, завела с ними тѣсныя сношения и начала заниматься высшими политическими вопросами, т. е. интриговать, переписываться с Фридрихом и, конечно, сплетничать. С дочерью она всегда обращалась резко и деспотически, здѣсь же стала еще больше преслѣдовать ее за всякую мелочь. Не прошло мѣсяца, какъ все отъ всей души любили молоденькую принцессу и ненавидѣли тоже отъ всей души ее мать.

Вскорѣ послѣ приезда ихъ в Москву, императрица отправилась говѣть къ Троицѣ; близкіе ей люди слѣдовали за ней, а дворецъ почти совершенно опустѣлъ, потому что оставленные при двухъ принцессахъ сановники и служители тотчасъ самовольно отлучились по своимъ дѣламъ или вотчинамъ. Принцесса-мать разѣзжала по городу на обѣды и вечера, разыгрывая великую особу, и просиживала цѣлые дни въ гостяхъ у людей, съ которыми не могла сказать ни слова, по незнанію ими ни французскаго, ни нѣмецкаго языка.

За это же время принцесса Софія, вставая со свѣч-